

П.В. Волков

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ КУЛЬТУРОЛОГИИ: ПОЧЕМУ ОЧЕВИДНОЕ СТАЛО ЗАТРУДНЕНИЕМ

Рассматриваются философско-методологические причины затруднения, которое испытывает современная культурология в определении себя как отдельной самостоятельной науки. Дается критика проникновения культурологии в область других специальных наук, что лишает ее собственной специфики, а также критика абстрактных, односторонних представлений о предмете культурологии как о ценностно-нормативном модусе общественной жизни. С помощью диалектической логики и культурно-исторической, предметно-деятельностной методологии автор выводит из единства противоположностей природы и культуры, мира людей и мира вещей, духовной и материальной деятельности объект и предмет изучения науки культурологии.

Ключевые слова: культурология; объект; предмет; неокантианство; диалектика; деятельность; общество

Неочерченность или, если точнее, слабая очерченность границ культурологии как науки, неопределенность, точнее, слишком широкая определенность ее объекта, предмета и метода приводят к удивительному казусу – отсутствию общепринятой теории культуры, а значит, и научной системы, собственно, и превращающей набор отдельных знаний и сведений в науку. Нынешнее состояние культурологии в виде метания от обобщающей всю гуманитарную сферу «супернауки» до, по словам М. Кагана, «броунова движения» [1] разнообразных «точек зрения» мало кого удовлетворяет. Поэтому те, кто считает культурологию отдельной наукой (а есть и иные), не прекращают попытки определить ее границы, задать ее объект, предмет и метод.

Г.В.Ф. Гегель в созданной им системе логических категорий поясняет, что граница – это такая определенность, которая одновременно соединяет и разделяет два нечто [2. С. 129]. В нашем случае определенность одновременно отделяет культурологию от других наук и соединяет ее с ними.

Определенность культурологии – это ее отрицание. Например, очки – определенность человека с плохим зрением. Можно сказать, что Вася – человек в очках, он ими определен. Очки – это не сам Вася, они его отрицание, но это именно его очки, а не очки Пети. Сладость – определенность такого чая, в котором есть «не чай», отрицание чая, т.е. сахар. «То, что без отрицания, то неопределенно. Поэтому в абсолютном свете так же ничего не видно, как и в абсолютной тьме» [3. С. 32].

Популярный сегодня культуролог, теоретик, методолог и автор учебников, близкий по своему мировоззрению к неокантианцам и школе «Анналов», А. Флиер называет объектом научных интересов культурологов «любые виды и формы человеческой жизнедеятельности (точно так же, как у историков, психологов и социологов)» [4]. Под видами и формами человеческой жизнедеятельности Андрей Яковлевич вряд ли подразумевает биологические потребности – то, что характеризует человека как представителя царства животных, но очевидно, что он имеет в виду деятельность человека как общественного существа, культурную, исторически и психически обоснованную деятельность общества. «Культура, – утверждает он, – это конкретно – историческая форма бытия общества,

и как общество не может существовать вне институализированных форм своего бытия, так и форма (культура) не существует актуально (а только мемориально) вне своего живого носителя» [5]. А значит, момент границы, соединяющий культурологию с не культурологией – это объект ее научного интереса, общество. Поэтому культурология – социальная наука (культура не присуща индивидууму, только индивиду в общественных отношениях). Но поскольку не существует обществ воробьев или лягушек, а есть только человеческое общество, культурология – наука гуманитарная. С этим вроде бы никто не спорит. Итак, социальная и гуманитарная сущность культурологии роднит ее, соединяет в своей имманентной границе с другими обществоведческими и гуманитарными науками.

Однако определяет науку ее отрицание – что-то внутренне присущее ей самой, но ей самой не являющееся, определенность, которая, будучи умозрительно рассмотрена как бытие, а не как отрицание, становится качеством. Качеств, внутренне присущих признаков, всегда много. В случае культуры – это и порождение человеческой деятельности, и наследование методом обучения, и аксиологичность. Перечислять признаки можно бесконечно, никак не приближаясь к искомому определению. Ведь определить нечто – значит дать определение. Набор признаков определение не дает. Единственная работа, где дано определение определения, – «Наука логики» Гегеля: «Качество, которое есть “в себе” в простом нечто и сущностно находится в единстве с другим моментом этого нечто, с в-нем-бытием, можно назвать его определением» [2. С. 126].

Понять его не так уж сложно. «Качество, которое есть в себе» – это такое качество, которое сохраняется при всех изменениях. Честный человек честен всегда, а не только тогда, когда быть честным выгодно. Если при изменившихся обстоятельствах он начинает лгать, то честность – не его определение, оно не сохраняется в изменениях. Но качество не только должно быть устойчивым, оно находится в единстве с в-нем-бытием, т.е. выходит вовне и противостоит бытию-для-иного. Честный человек должен как-то проявлять свою честность и противостоять лжи и клевете. Если он этого не делает, а только говорит о своей честности, то верить ему не стоит. Значит определе-

ние – это сохраняющееся в изменениях и проявляющееся в деятельности качество. Одно качество.

То ли из-за недопонимания этого факта, то ли из-за методологического субъективизма теоретик и историк культуры Ю. Шор затрудняется выделить культурологию в особую науку, поскольку, с одной стороны, «культура охватывает собой все проявления человеческой жизнедеятельности», а с другой – «не существует культуры в единственном числе: она предстает как множество культур» [6].

Но не существует ли это «затруднение» лишь в головах «метафизиков», т.е. антидиалектиков в гегелевском понимании? Не все ли в мире предстает одновременно и как всеобщее, и как единичное? Понятие яблоко охватывает собой все яблоки, но абстрактного яблока не существует, оно предстает как множество конкретных яблок. Не существует царства растений, оно предстает в действительности как множество единичных растений и лишь в голове у ученого объединяется в царство. Не существует человечества, оно предстает как множество единичных людей, которых, тем не менее, мы все (кроме расистов и нацистов, конечно) прекрасно объединяем вместе в понятие. Не объединив, невозможно познать, отдельный феномен вне системы принципиально непознаваем. С ним можно делать что угодно: «ощущать», «схватывать», «образно мыслить» – познать нельзя. Потому и появились науки. И нет никаких проблем в предметном очерчивании науки ботаники из-за того, что царство растений предстает как множество растений. Почему такие затруднения вызывает культурология?

Объект изучения культурологии, который объединяет ее с другими гуманитарными и социальными науками, не просто понятен, он очевиден. Это общество. Но без предмета – момента границы, отделяющего культурологию от других наук, выделить ее в отдельную науку нельзя. Так, по сути, и выходит у Флиера, который в статье «Теория культуры вместо исторического материализма» утверждает, что предметом культурологии являются «исторические формы общественного бытия, воспроизводимые и развиваемые через систему социальной коммуникации, основанные на институализированных ценностях этого общества, воплощаемые в специфических чертах продуктов деятельности и именуемые для краткости словом культура» [5].

То, что культура – это предмет культурологии, пожалуй, трудно назвать открытием, которое бы проливало свет на нашу «тьму египетскую». И от того, что Флиер перечисляет «формы общественного бытия» (социальные, этнические, политические, экономические, языковые, религиозные, художественные, правовые, нравственные, ментальные и т.д.), которые можно перечислять бесконечно, поскольку «функциональное многообразие этих форм почти необозримо» [5] и «культура – не вещь, не конкретный предмет, а категория человеческого бытия (так же, как история или жизнь), и в этом статусе она онтологически неисчерпаема» [4], легче не становится. Не становится, потому что отсюда следует, что предмет культуры – это все на свете, что создано человеком, а значит, мы снова возвращаемся к «любимым формам человеческой

деятельности», т.е. теряем конкретный предмет науки. Правда, Флиер уточняет, что культурология изучает не «технологии деятельности (например, экономические отношения и сельскохозяйственное производство)», но «знание о них... место этого знания... в системе общественного сознания и «картине мира» того или иного общества, т.е. технологии как факторы, воздействующие на особенности культуры» [5]. Формулировка очень неконкретна, предметом изучения культурологии в ней называется то знание о технологиях, то место этого знания, то сами технологии, но как факторы, влияющие на культуру. Если интерпретировать «технологии» как способ окультуривания природы, а предложенную в примере агрокультуру как один из способов накопления человечеством духовного и материального опыта, то можно было бы предположить, что предметом изучения культурологии являются такие позволяющие человеку выживать и развиваться способы воздействия на природу, которые закрепляются в общественном сознании. Но это лишь интерпретация, а она всегда субъективна и не может быть основой для научного знания. В конце концов, каждый видит то, что он хочет увидеть.

Далее Флиер указанную мысль не развивает и не приводит ее к определению, но сводит «проблемное поле» (предмет?) культурологии к пяти направлениям [5], в бескрайних полях которых мы снова теряем тропинку к ответу на интересующий нас вопрос. Первым предметом культурологии он называет социогенез, который замечательно исследуют этнография и антропология. Вторым – информгенез (семиотика, герменевтика, коммуникация, языкознание и т.д.), которым занимаются разные направления лингвистики. Третьим – аксиогенез как теорию и историю развития ценностей и человеческого взаимодействия, что входит в компетенцию социальной психологии. Четвертый предмет – проблемы методологии культурологической науки – является вопросом философии культуры, т.е. философии. А вот пятое направление – культурогенез, теория и история культуры, кажется верным. Хотя, нельзя не отметить, что история культуры – это конечно история (со специальными историческими методами источниковедения, археологии и т.д.). Таким образом, остается теория культуры, которой до сих пор нет. Точнее, есть множество работ о теории культуры, но они не имеют единой методологии и являются по сути авторскими курсами культурологии, «точками зрения» разных культурологов.

Проблема заключается в том, что, если культура по Флиеру – это все формы общественной деятельности, значит, речь идет о теории всего. Смешного и глупого в этом ничего нет, но когда, исходя из такого понимания, Флиер пытается разграничить культурологию (науку обо всех формах человеческой деятельности) с философией и историей, получаются ставящие в логический тупик результаты. Философию он называет наукой о смысле общественного бытия, хотя наука всегда о законах, а не о смысле. Наука ищет закономерности. А если нет, то это не наука, а эклектический мешок с набросанными туда разрозненными сведениями, знаниями, может быть даже верными, – знахарство. Поэтому наука философия изучает все-

общие законы природы, общества и мышления. А всеобщие законы не существуют без конкретно-исторических форм, явлений этих законов. Истории Флиер отдает изучение событийно-деятельностного содержания общественного бытия, что, собственно, и является его конкретно-историческими формами. Вообще вся человеческая деятельность является конкретно-историческими формами, в которых проявляются всеобщие законы. Смысл общественного бытия, т.е. его сущность, проявляется в событийно-деятельностной форме. Если не проявляется, то смысла никакого и нет, он остается таинственной и непознаваемой вещью-в-себе. Ну и вряд ли кто-то поспорит с тем, что события и деятельность совершаются в конкретно-исторических формах. Всеобщее, особенное и единичное – это одно понятие, как Святая Троица в христианстве – один бог, а не три. Невозможно изучать всеобщее без его единичных, нельзя изучить яблоко как таковое, не рассмотрев всевозможные сорта яблок. В то же время невозможно изучить яблоко «голдэн», если не знать, что оно в принципе яблоко. Политэкономика изучает как общие законы производства и воспроизводства жизни, так и конкретно-исторические их воплощения в экономических укладах разных стран и эпох. Лингвистика изучает как общие законы коммуникации, так и конкретно-исторические их воплощения в разных языках разных народов. Психология изучает как общие законы функционирования человеческой психики, так и конкретно-исторические их проявления в психике индивидов и разных общественных групп. Какие вообще науки изучают что-то другое? Поэтому, отдавая культурологии изучение конкретно-исторических форм общественного бытия (якобы в противоположность философии и истории), Флиер отдает ей экономику, политику, религию, язык, право, искусство и т.д. – все на свете, никак не решая, но лишь усугубляя то затруднение, в которое попал Ю. Шор. Правда со сноской, что изучать это все культуролог должен с помощью некоего «специфического культурологического метода» [4], специфика которого, впрочем, остается не менее таинственной, чем предмет культурологии. Многих до сих пор очень забавляет тезис «Экономика должна быть экономной», который уже очень немалодой и перенесший несколько инсультов Брежнев зачитал с написанной для него бумажки на XXVI съезде КПСС в 1981 г. Действительно, тавтологическое суждение бессмысленно. Но почему же тогда ничего не объясняющая тавтология о культурологии как специфическом культурологическом методе считается глубокой теоретической мыслью, категорически непонятно. Затем, правда, «культурологический метод» исчезает как призрак отца Гамлета, а его место занимают «культурологический ракурс» и «культурологический подход». Флиер предлагает подходить ко всем формам общественного бытия с ракурса культуры (снова тавтология, поскольку культура у него и является всеми формами общественного бытия), однако неизвестно, на каком основании, вслед за неокантианцами редуцировав ее до одной единственной формы – ценностно-нормативной. Подход с указанного ракурса направляет внимание на «профессио-

нальные культуры»: экономическую, политическую, правовую, религиозную и т.д., что дает возможность заниматься «культурологией экономики», «культурологией политики», «культурологией права», «культурологией религии» в смысле изучения, скажем, политической культуры в противовес политическому бескультурью, варварству. Впрочем, ценности, а значит и культура, есть и у самых диких варваров, у племен, до сих пор живущих в условиях каменного века или в приближенных к нему условиях. Этнография неплохо справляется с изучением их ценностей и норм поведения, а психология худо-бедно справляется с поведением нас, современных людей. Нормами поведения, зафиксированными в виде юридических законов, занимается право, где ценность «не убий» прямо прописана в уголовном кодексе. Такое размытие границ культурологического исследования (культурология всего, ценности всего) напоминает происходившее в свое время с гештальтпсихологией. Л. Выготский остро шутил на тему того, что гештальты были «открыты в физике и химии, в физиологии и биологии, и гештальт, высохший до логической формулы, оказался в основе мира; создавая мир, бог сказал: да будет гештальт – и стал везде гештальт» [7. С. 307–308].

Создатель научной системы в химии, Д. Менделев, не был первым классификатором химических элементов. До него уже существовало несколько десятков «точек зрения», «ракурсов» и «подходов» к этому вопросу. Заслуга Менделеева не в том, что он выдал еще один очередной «подход», а в том, что синтезировал единственно истинную химическую систему. Конечно, мир многообразен, как многообразны развивающиеся в нем химические или культурные процессы. Но единство многообразного (наличие которого только и позволяет говорить о научном познании) не может не предполагать единство описывающей его научной системы. Называть же диалектический монизм абстракцией в противопоставление «конкретности» позитивизма или неокантианства, которые в массе своей используются культурологами как «специфический культурологический метод», мягко говоря, некорректно. Конкретность – не рассмотрение единичных уникальных явлений «здесь и сейчас» (это-то и есть абстрагирование), а познание явлений как противоречивых и исторически обусловленных. Гегель объяснял [8], что абстрактно мыслит рыночная торговка рыбой, для которой человек – это исключительно покупатель, а не многообразное единство его идей, переживаний, ценностей, практической деятельности и т.д. Так, мы часто говорим, что для политика человек превращается в избирателя, в электорат. Это и есть абстрагирование, редуцирование всего многообразия свойств человека до какого-то одного. Но ученый – не торговец рыбой или политическими обещаниями. Сводить многообразие культуры к ценностно-нормативной абстракции – значит принципиально отказать от попытки создать научную систему в культурологии.

Как понять Флиера, который сначала говорит, что «все существующие социальные и гуманитарные науки в конечном счете являются науками о культуре, т.е. знанием о видах, формах и результатах человече-

ской жизнедеятельности» [4], а затем утверждает, что «под культурологией... подразумевается прежде всего этноисторическая социология (и отчасти психология)» [9]? Этноисторическая социология – это социология, а не культурология, равно как молодой человек – это человек, а не муха, с чем вряд ли кто-то решится поспорить. Но если специальной науки о «культуре вообще» создать не получается, а под культурологией «подразумеваются» совсем другие науки, тогда для культурологов путь один – сдать свои дипломы и научные степени. Однако у нас иная точка зрения, которая требует отбросить как бесконечное и бесконечно бесполезное перечисление признаков, так и всякого рода «подразумевания» и наконец-то определить предмет культурологии, который только и может выделить ее в отдельную специальную науку.

Предмет знания является диалектическим отрицанием объекта знания, снятием его, т.е. отрицанием с удержанием. Это продукт познавательной деятельности, тождественный объекту как тождество различного. Не существует отдельно общества и отдельно его культуры, есть только культурное общество, которому культура имманентна как диалектическое отрицание. Общество как бытие, культура как его отрицание в нем самом, т.е. его определенность. Но культурология не может рассматривать общество с его культурой (тогда она превращается, как говорит Флиер, в этноисторическую социологию). Ее зона ответственности – культура общества, т.е. определенность, взятая не как отрицание, а как конкретное целое – качество. Культура – функция общества, как время (момент неравенства с собой) или пространство (момент равенства с собой) – функция материи. Культура порождает общество, но в то же время и общество порождает культуру. Поэтому общество и субъект тоже. Если общество – субъект, а культура – предикат, то культуролог должен изучать не общество «с точки зрения» культуры, а культуру как общественное явление, взятое как реальность, а не как отрицание. Поэтому стоит обратить внимание на суждение философа-постмодерниста В. Подороги: «Культура не субъект, а предикат, “качество”, модус существования сделанного в режиме присвоения» [6].

Общая форма любого суждения: субъект есть предикат. Одному субъекту могут соответствовать большое количество предикатов (роза – красная, роза – колючая, роза – красивая и т.д.), так и объекту научного знания могут соответствовать различные предметы. «Это объясняется тем, – пишет Г. Щедровицкий, – что характер предмета знания зависит не только от того, какой объект он отражает, но и от того, зачем этот предмет сформирован, для решения какой задачи» [10. С. 14]. Определение предмета научного знания дает Л. Науменко: «...“предмет” – это моделированное в знаковой системе одно из свойств (или группа отдельных свойств) многообразного объекта» [11. С. 82].

Гегель говорит, что «существующее нечто есть вещь» [2. С. 514]. Мир же вещей многообразен, и каждая особенная вещь отличается от других вещей своими свойствами. Свойство, являясь категорией сущности, а не бытия, глубже определения – это

устойчивость вещи, определенность, благодаря которой какая-то конкретная вещь есть именно эта вещь, а не другая. Свойства позволяют вещам взаимодействовать друг с другом – теплое передает тепло холодному, холодное нагревается от теплого, мокрое увлажняет сухое и т.д. «Вещь вне свойств, – пишет М. Булатов, – есть вещь в себе. Но такой вещи нет. Из этого следует несостоятельность трансцендентального идеализма Канта, который стоит на признании таких вещей в себе. В них нет ничего определенного, и потому, по Гегелю, тут нечего познавать. Это – абстракция, а не реальность» [12. С. 199].

Общество (культурное) как объект, субстанция абстрактно и многообразно, объект познания обязательно абстрактен, обобщение предполагает абстрагирование. Предмет же конкретен, т.е. взят в единстве со своими свойствами. Предметом изучения культурологии, таким образом, является такое свойство общества (объекта), которое: а) внутренне присуще ему, б) внешне выражается как взаимодействие с самим собой и иными свойствами. Это свойство – способность накапливать и передавать духовный и материальный опыт для выживания и развития человечества. Способность проявляется в различных способах освоения природы и самого человека в его предметно-чувственной деятельности. Такие способы во всем своем многообразии и есть предмет изучения науки культурология.

Принцип историзма в науке требует начала как неразвитого результата, сразу предполагающего результат как развернутое начало – системы. «Вне системы, в механической сумме отдельных теоретических категорий нет и не может быть “понятия”, понимания существа дела. Две железки с соединяющими их деревянными или железобетонными перемычками – еще не железная дорога» [13]. По железной дороге должны ездить поезда и что-либо перевозить, иначе это не действительная железная дорога, не выполняющая свою функцию железная дорога (как просроченный, недействительный билет, который вроде бы есть, но по нему нельзя пойти на концерт). Без функционального единства всех элементов системы железную дорогу изучить и понять невозможно. Отдельно рельсу – да, отдельно шпалу – да, отдельно локомотив – да, а железную дорогу – нет. Носитель культуры – общественный человек – особая система, живая, никаких элементов и частей механического агрегата в ней нет, но есть живое единство полагающих друг друга органов. «Основанием органического единства (органических) частей некоторого целого, – пишет А. Сурмава, – может быть только их противоположность» [13]. Имеется в виду, что органы объединяет в систему человеческого организма не сходство их химического состава, а противоположные функции – легкие получают кислород, артерии разносят обогащенную кислородом кровь, а мозг ее потребляет. Самостоятельно друг от друга эти органы существовать не могут и организм погибает без любого из них. А вот без одной почки организм вполне жизнеспособен, поскольку почек две, и они функционально тождественны.

Поэтому в базисе культуры лежат не абстрактные ценности, а единство противоположностей духовной и материальной деятельности, практика. Только там, где есть предметная деятельность, можно говорить о субъекте и предмете, с которым он взаимодействует. А заглянув в чувственно-предметную деятельность, мы увидим «натуральную историю, породившую живых существ, способных к деятельности...» и «...человеческую историю, породившую... живых индивидов, владеющих человеческими орудиями деятельности (мышления) “и прежде всего” – орудиями труда» [14]. В единстве противоположностей мира людей и мира вещей, взаимодействие которых осуществляется посредством орудий труда, рождается культура.

В культурологическом сообществе десятилетиями не прекращаются дискуссии о том, что такое культура, что конкретно изучает наука культурология, каковы ее строго очерченные объект, предмет и метод, наука ли культурология вообще? Последний вопрос объективно вытекает, с одной стороны, из необходимости культурологов понять (понятийно, а не интуитивно), чем конкретно они занимаются, а с другой – из, прежде всего, идеологически-мотивированного нежелания использовать для обретения этого понимания таких методологий, которые в принципе предполагают системность и не строятся при этом на предпосылках, которые принципиально невозможно доказать. Тридцатилетняя безуспешная попытка создания «теории культуры вместо исторического материализма» привела к тому, что сами культурологи уже сомневаются, а существует ли такая наука – культурология. И если в том, что объектом изучения науки о культуре является общество (только общественное животное – человек – может быть носителем культуры) сегодня мало кто сомневается, то с выделением предмета исследования происходит самая настоящая катастрофа. Как его вычленишь, если культура бесконечно многообразна и является по сути в любых формах человеческой деятельности? Но данное затруднение возникает только там, где нет понимания диалектического тождества формы и содержания, единичного и всеобщего, там, где господствуют субъективистские подходы к культурологической науке – волюнтаризм, позитивизм и неокантианство.

Следование таким подходам приводит к трем основным квазирешениям: либо уйти от вопроса, заявив, что гуманитарные науки слишком «личностны» и «субъективны», чтобы как-то ограничивать их, совершая насилие над творческой бесконечностью человеческой мысли, либо уйти от вопроса, заявив, что культурологий столько же, сколько культурологов, либо абстрактно и однобоко редуцировать предмет

культурологии к изучению морально-нравственных или, например, символических форм общественной жизни, что никак не охватывает все многообразие культурных феноменов. Необходимость же охватить всю культуру искушает сказать, что культурология изучает все на свете (политику, экономику, право, религию, искусство и т.д.), но только с помощью некоего таинственного «культурологического подхода», «культурологической точки зрения», о которых много рассуждают, но общепринятой системной теории которых как не было, так и нет. И это понятно, точки зрения могут сформировать лишь эклектическую совокупность точек зрения, но никак не систему.

Слишком широкое или, наоборот, слишком узкое определение предмета культурологии доводит культурологов до абсурда – по сути до отказа от специализации, до растворения своей области знания в социологии, психологии, этнографии, лингвистике. И приставка «культурологическая» к этим дисциплинам решает проблему не более, чем засовывание страусом головы в песок. В то же время исторический материализм, который вполне может быть методологическим компасом, ограничивающим рамки научного исследования и не позволяющим ему сбиться в абстрактно-субъективистские дебри, мыслится популярными теоретиками культуры как нечто, что в науке следует преодолеть.

Но если мыслить иначе, вдруг оказывается, что предмет – это всего лишь одно из свойств многообразного объекта, изучение которого заключается не просто в определении того, какой объект он отражает, но и того, зачем, с какой целью этот предмет формируется. Многообразие заключается в единстве функционально противоположных форм. Поэтому, если культура – это все формы общественной деятельности, то в ее базисе не может лежать одна форма (скажем, ценности), а только единство противоположностей основных форм деятельности: духовной и материальной. Культура вместе с обществом исторически рождается из развивающейся природы, становится очеловеченной природой, миром вещей. Между миром людей и миром вещей также возникает противоречивое взаимодействие, опосредствованное орудиями труда, с помощью которых эти вещи создаются. Предмет изучения культурологии – такое свойство общества (объекта), которое: а) внутренне присуще ему, б) внешне выражается как взаимодействие с самим собой и иными свойствами. Это свойство – выражающаяся в различных способах освоения природы и самого человека в его предметно-чувственной деятельности способность накапливать и передавать духовный и материальный опыт с целью выживания и развития человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каган М.С. Философия культуры : учеб. пособие. СПб. : Санкт-Петербург, 1996. 310 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М. : АСТ, 2019. 912 с.
3. Попов М.В. Диалектика как метод философии истории : учеб. пособие. Невинномысск : Изд-во Невинномыс. ин-та экон., упр. и права, 2010. 64 с.
4. Флиер А.А. Современная культурология: объект, предмет, структура // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 124–145.
5. Флиер А.А. Теория культуры вместо исторического материализма // Общественные науки и современность. 1993. № 2. С. 135–139.
6. Культурология как наука: за и против // Вопросы философии. 2008. № 11. С. 3–32.
7. Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1: Исторический смысл психологического кризиса. М. : Педагогика, 1982. С. 291–436.

8. Гегель Г.В. Кто мыслит абстрактно? // Культурно-историческая психология. 2006. Т. 2, № 2. С. 29–31.
9. Флиер А.Я. Культурология как гуманитарная наука // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 160–168.
10. Щедровицкий Г.П. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964. 48 с.
11. Науменко Л.К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата : Наука, 1968. 328 с.
12. Булатов М.А. Немецкая классическая философия : в 2 ч. Ч. II: Гегель. Фейербах. Киев : Стилоз, 2006. 544 с.
13. Сурмава А.В. Диалектическая психология: драма становления // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 4. С. 25–39.
14. Сурмава А.В. Спиноза в науке о предметной деятельности. 2018. URL: https://www.academia.edu/38254667/31_01_19

Статья представлена научной редакцией «Философия» 9 ноября 2021 г.

Object and Subject of Cultural Studies: Why the Obvious Has Become a Perplexity

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 126–131.

DOI: 10.17223/15617793/473/15

Pavel V. Volkov, National Pedagogical Dragomanov University (Kyiv, Ukraine). E-mail: pvolkov84@yahoo.com

Keywords: cultural studies; object; subject; neo-Kantianism; dialectics; activity; society.

For decades, the culturological community has been holding discussions about what culture is, what exactly the science of culturology studies, what its strictly outlined object, subject, and method are, whether it is a science at all. A 30-year-long unsuccessful attempt to create a “theory of culture instead of historical materialism” has led to the fact that culturologists themselves are already doubting whether there is such a science – culturology. How to isolate a specific subject of cultural studies, if culture is infinitely diverse and presents itself, in fact, in any form of human activity? However, this difficulty arises only when there is no understanding of the dialectical identity of form and content, the individual and the universal, when subjectivist approaches to culturological science – voluntarism, positivism, and neo-Kantianism – dominate. Following such approaches leads to three main quasi-solutions: either getting away from the question, stating that the humanities are too “personal” and “subjective” to somehow limit them and committing violence against the creative infinity of human thought, or getting away from the question, saying that there are as many culturologies as there are culturologists, or abstractly and one-sidedly reducing the subject of cultural studies to the study of the moral, ethical, or, for example, symbolic forms of social life, which in no way covers the entire diversity of cultural phenomena. The need to cover the entire culture tempts to say that culturology studies everything in the world (politics, economics, law, religion, art, etc.), but only with the help of some mysterious “culturological approach”, “culturological point of view” about which they argue a lot, but the generally accepted systemic theory of which does not exist. This is understandable: points of view can only form an eclectic set of points of view, but not a system. Comprehending the problem with the help of dialectical logic, the author concludes that a subject is one of the properties of a diverse object. Diversity consists in the unity of functionally opposite forms. Therefore, if culture is all forms of social activity, then one form (say, values) cannot lie in its basis – only the unity of opposites of the main forms of activity: spiritual and material. Culture together with society is historically born from the developing nature, becomes a humanized nature, a world of things. A contradictory interaction also arises between the world of people and the world of things, mediated by the tools of labor, with the help of which these things are created. The subject of cultural studies is such a property of a society (object), which: a) is inherent in it, b) is externally expressed as interaction with oneself and other properties. This property is the ability to accumulate and transfer spiritual and material experience in order to survive and develop the humankind, expressed in various ways of mastering nature and people themselves in their objective-sensory activity.

REFERENCES

1. Kagan, M.S. (1996) *Filosofiya kul'tury: ucheb. posobie* [Philosophy of culture: textbook]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburg.
2. Hegel, G.W.F. (2019) *Nauka logiki* [Science of logic]. Translated from German. Moscow: AST.
3. Popov, M.V. (2010) *Dialektika kak metod filosofii istorii: ucheb. posobie* [Dialectics as a method of the philosophy of history: textbook]. Nevinnomyssk: Nevinnomyssk Institute of Economics, Management, and Law.
4. Flier, A.Ya. (1997) *Sovremennaya kul'turologiya: ob'ekt, predmet, struktura* [Modern Cultural Studies: Object, Subject, Structure]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2. pp. 124–145.
5. Flier, A.Ya. (1993) *Teoriya kul'tury vmesto istoricheskogo materializma* [Theory of Culture Instead of Historical Materialism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2. pp. 135–139.
6. *Voprosy filosofii*. (2008) *Kul'turologiya kak nauka: za i protiv* [Culturology as a science: pros and cons]. 11. pp. 3–32.
7. Vygotskiy, L.S. (1982) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected works: in 6 volumes]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika. pp. 291–436.
8. Hegel, G.W.F. (2006) *Kto myslit abstraktno?* [Who thinks abstractly?]. Translated from German. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. 2 (2). pp. 29–31.
9. Flier, A.Ya. (2005) *Kul'turologiya kak gumanitarnaya nauka* [Culturology as a Humanitarian Science]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1. pp. 160–168.
10. Shchedrovitskiy, G.P. (1964) *Problemy metodologii sistemnogo issledovaniya* [Problems of system research methodology]. Moscow: Znanie.
11. Naumenko, L.K. (1968) *Monizm kak printsip dialekticheskoy logiki* [Monism as a principle of dialectical logic]. Alma-Ata: Nauka.
12. Bulatov, M.A. (2006) *Nemetskaya klassicheskaya filosofiya: v 2 ch.* [German classical philosophy: in 2 parts]. Part II. Kyiv: Stilos.
13. Surmava, A.V. (2007) *Dialekticheskaya psikhologiya: drama stanovleniya* [Dialectical psychology: the drama of formation]. *Metodologiya i istoriya psikhologii*. 2 (4). pp. 25–39.
14. Surmava, A.V. (2018) *Spinoza v nauke o predmetnoy deyatel'nosti* [Spinoza in the science of objective activity]. [Online] Available from: https://www.academia.edu/38254667/31_01_19

Received: 09 November 2021